

ДЕНИСОВ Н. В. — ПЕШКОВОЙ Е. П.

ДЕНИСОВ Николай Васильевич, родился в 1870 во Владимире. Получил высшее техническое образование, с 1900 — работал инженером на строительстве и эксплуатации железных дорог в Сибири и Дальне-Восточном крае. В начале 1920-х — арестовывался как заложник, но был освобожден¹. Проживал в Хабаровске, работал инженером Управления железных дорог. 14 февраля 1931 — арестован в Хабаровске, 5 июля приговорен к ВМН, 18 августа расстрел заменен на 10 лет ИТЛ и в сентябре отправлен в Дальлаг². В августе 1932 — просил помощи у Екатерины Павловны Пешковой.

<9 августа 1932>

«Москва. Кузнецкий мост, д<ом> № 24

Уважаемая Екатерина Павловна.

Я инженер п<утей> с<ообщения>, 60 лет, проработал более 30 лет в Сибири и на Д<альне>-В<осточном> К<рае> по постройке и эксплуатации ж<елезных> д<орог>. Осужден Коллегией ОГПУ от 18/VIII-1931 г<ода> по ст<атье> 58 п<ункты> 6 и 7 на 10 лет. Считаю осуждение свое очень строгим, так как никогда умышленным вредительством не занимался, признаю за собой только промахи и недочеты в работе, а обвинения по ст<атье> 58 п<ункт> 6 во время допроса мне не предъявлялось и никаких проступков, хоть сколько-нибудь<удь> относящихся к шпионажу, я за собой не знаю. Ввиду того, что я под влиянием нервного расстройства (покушался даже на самоубийство) дал на предварительном следствии неверные показания, а впоследствии от них отказался, написав об этом Краевому прокурору и председателю Крайисполкома, обращаюсь к Вам с просьбой выяснить, приложены ли были к моему делу мои заявления с отказом от моих прежних показаний на имя Крайпрокурора и Председателя Крайисполкома т<оварища> Асаткина, и известно ли коллегии ОГПУ мое последнее показание от 22/VIII-1931 г<ода>, снятое с меня ДТ³ ОГПУ, в котором я отказался от всех своих прежних показаний, как данных неправильно.

Из сопоставления времени подачи мной заявлений от 2/VI и 27/VI, моего последнего показания от 22/VIII, вторичных допросов в ДТ ОГПУ по поводу этих заявлений от 17/VIII, 18/VIII и 22/VIII-31 г<ода> с датой моего осуждения Коллегией ОГПУ от 18/VIII-1931 г<ода> я пришел к заключению, что Коллегия ОГПУ при суждении по моему делу, не имела моих заявлений об отказе от показаний, данных на предварительном следствии. На последних допросах в августе месяце 1931 г<ода> т<оварищ> помощник начальника ДТОГПУ мне сообщил, что я не обвиняюсь в участии в Краевой вредительской организации по Д<альне>-В<осточному> К<раю>, а только во вредительстве по Уссурийской ж<елезной> д<ороге>. Обвинительного акта мне для прочтения не предъявлялось. На Уссурийской ж<елезной> д<ороге> я работал в дирекции, главным образом по Доризул'у⁴ и замещал 6 месяцев начальника отдела рационализации и частично работал инженером по технической части в планово-экономическом отделе. Я признаю, что в моей работе были недочеты, но умышленным, сознательным вредительством я не занимался. Напротив, в качестве заведующего Доризул'ом (1927-1930), я улучшил работу последнего, добившись значительного увеличения реализации изобретений и полезных рабочих

¹ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 90. Списки.

² Жертвы политического террора в СССР». Компакт-диск. М., «Звенья», изд. 3-е, 2004.

³ ДТ — Дальневосточный Трибунал.

⁴ Доризул — Дорожный отдел по рационализации и изобретательству.

предложений, а также значительного увеличения фондов Доризул'а от реализации изобретений, и я получал одобрения на докладах в Дорпрофсоже и ДКСПС. По отделу рационализации главная моя вина была в том, что я согласился замещать начальника отдела, не будучи вполне подготовленным к этому делу, как узкий специалист только по путевым и построечным вопросам, а рационализации по эксплуатации Усс<урийской> ж<елезной> д<ороге> требовалась главным образом по тяговым и движением вопросам, а подобрать опытных сотрудников мне не удалось за полным отсутствием таковых на Д<альне>-В<осточном> К<рае> в эти годы. Все это я изложил в заявлении на имя председателя Крайисполкома, более подробное пояснение изложено мною было в заявлении в Окружную комиссию по чистке в 1930 г<оду>, которая, проверив мои пояснения, отменила увольнение по 3-му разряду и оставила на службе на Усс<урийской> ж<елезной> д<ороге>. Мне было очень тяжело работать в отделе рационализации, потому что этот отдел был новый и только еще создавался, а также потому, что до 1930 г<ода> профсоюзы на Д<альне>-В<осточном> К<рае> не стояли лицом к производству, не принимали деятельного участия в проведении в жизнь ударничества, соцсоревнования и рационализаторских мероприятий, возлагая все это на администрацию, в частности, на отдел рационализации.

Я считаю, что осуждение меня на 10 лет содержания в Д<альне>-В<осточных> исправительных трудовых лагерях для меня, преклонного старика, очень тяжело, конечно, я не перенесу его. С каждым месяцем я чувствую, что физические силы и умственная способность мои слабеют, чему способствует сильное нервное состояние.

Единственно, чем могу объяснить тяжесть наказания, это тем, что меня судили не только по ст<атье> 58 п<ункт> 7, а также по ст<атье> 58 п<ункт> 6, что для меня явилось полной неожиданностью, так как во время следствия мне не предъявлялось обвинения по ст<атье> 58 п<ункт> 6. Я до сих пор не могу объяснить себе, какие инкриминируются мне поступки по ст<атье> 58 п<ункт> 6, так как я никаких таковых за собой не знаю, и обвинительного акта мне для прочтения не предъявлялось. Когда 15-го марта 1931 г<ода> после допроса мне было предъявлено краткое на восьмом листе обвинение, то там было сказано "на основании частичных личных признаний и показаний свидетелей, я, Денисов, обвиняюсь по ст<атье> 58 п<ункт> 7". Упоминания об обвинении по п<ункту> 6 там не было. При наведении справки в Домзаке мне дали письменную справку, что я обвиняюсь только по ст<атье> 58 п<ункт> 7.

Я припоминаю, что во время предварительных допросов (14/II-15/III) был разговор, и это я написал в своих предварительных показаниях, что я получил в 1927 году из Шанхая от жены б<ывшего> моего сослуживца, инженера Грекова — крестной матери моей дочери, три червонца (30 руб<лей>) в подарок моей дочери на книги и игрушки. В своих предварительных показаниях я спутал и показал, что эти деньги передал мне инженер Шведер, но потом я припомнил, что Шведер лишь говорил мне, что виделся с Грековой, но от передачи денег отказался, посоветовав послать почтой. Деньги 30 рублей (3 червонца) я получил в сентябре 1927 г<ода> через Д<альневосточный> Ц<ентральный> банк, что можно подтвердить справкой в банке, да кроме того и в бумагах, отобранных у меня при аресте, имеется письмо Грековой, в котором указано сумма 30 руб<лей>.

Впоследствии в феврале месяце я частным образом узнал, что мне будто бы приписано получение 300 рублей. Никто из допрашиваемых меня уполномоченных ничего мне о получении мной 300 руб<лей> не говорил, и по этому вопросу меня не допрашивали. Как могло 30 руб<лей> превратиться в 300 рублей, я не могу себе объяснить. Единственно начинаю

предполагать, что, может быть, во время многократных переписываний предварительных показаний, которые много раз уничтожались уполномоченным, я, будучи в состоянии нервного расстройства, мог допустить при переписке опisku. Припоминаю еще, что во время предварительного допроса была попытка со стороны ДТ ОГПУ заставить меня "сознаться" в том, что я имел сношения с секретарем японского консула, очевидно, основывая это лишь на том, что в доме, где я занимал квартиру до переезда в 1928 г<ода> в кооперативный дом, поселился впоследствии секретарь японского консула, а я иногда вызывал по телефону хозяина этого дома, который у меня работал по устройству канализации в кооперативном доме, где я жил. При этом надо отметить, что у меня на дому телефона не было, и мог я это делать только при посредстве соседей. Но я категорически отказался принять на себя эту ложь, так как совершенно не знаю секретаря японского консула. Как я указал выше, после предварительных допросов 15/III-31 г<ода>, обвинения по ст<атье> 58 п<ункт> 6 предъявлено мне не было, точно также и после подачи мной вышеуказанных заявлений об отказе от предварительных показаний мне не инкриминировалось обвинение по п<ункту> 6, на всех таких допросах с июля по сентябрь месяц мне предлагали только отказаться от этих заявлений, признать их ложными, а первые показания верными, грозя при этом репрессиями, но я категорически отказался, заявив, пусть лучше я умру, но вторично лгать не буду.

Так как мне не предъявлялось обвинение по п<ункту> 6, то я в своих показаниях и заявлениях совершенно не касался обвинения по ст<атье> 58 п<ункт> 6. Случайно узнал я о том, что мне приписана ст<атья> 58 п<ункт> 6 только в сентябре 1931 г<ода>, когда был препровожден в Дальлаг, где увидел это в предъявленном мне для заполнения больничной карточке. Тогда 26 сентября я написал заявление начальнику ДТОГПУ, что я не признаю себя виновным по ст<атье> 58 п<ункт> 6 и просил вызвать меня для дополнительного допроса, но никаких результатов мое заявление не имело, и мне ничего не ответили. Только 29 ноября через начальника Дальлага при его отношении от 29/XI за № 8880, когда я работал уже на постройке дома коммуны ПП ОГПУ в г<ороде> Хабаровске, мне объявили под расписку на общем списке, что я осужден Коллегией ОГПУ от 18/VII-1931 г<ода> на 10 лет, начало срока 14/II-1931 по ст<атье> 58 п<ункты> 6 и 7.

Подписывая, я оговорил, что осуждение считаю неправильным, так как обвинений по ст<атье> 58 п<ункт> 6 мне никаких не предъявлялось. Но и это мое заявление никаких результатов не имело. Так как ни Краевой прокурор, ни ДТ ОГПУ не обратили никакого внимания на все мои заявления, то я потерял всякую надежду добиться пересмотра моего дела здесь в г<ороде> Хабаровске и решил обратиться в центр, предварительно спросив у Вас совета и помощи.

Прошу Вас, если Вы найдете, что приложенное мной заявление на имя Прокурора республики может способствовать выяснению истины и облегчить мне тяжелое положение путем пересмотра моего дела, то прошу Вас направить его по назначению, если же нет, то просьба дать совет, как мне следует поступить.

Еще раз обращаюсь к Вам с просьбой, не отказать сообщить мне ответы на поставленные мною в начале <письма> вопросы, а именно, известны ли Коллегии ОГПУ мои заявления об отказе от предварительных показаний и какие конкретно инкриминировались мне проступки по ст<атье> 58 п<ункт> 6.

Ответ просьба сообщить по нижеследующему адресу: гор<од> Хабаровск, Калининская ул<ица>, уч<асток> Серышевского, дом Кооперативного товарищества № 106, кв. 7. Зинаиде Евсеевне Денисовой.

Николай Васильевич Денисов.

9/VIII – 1932 г<ода>»⁵.

*Осенью 1933 — Николай Васильевич Денисов вновь просил помощи Помполита*⁶.

⁵ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 722. С. 76-79. Автограф.

⁶ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 1032. С. 53.